

Сы Нань и Тан Сюань демонстрировали любовь - о, нет, демонстрировали крепкую братскую привязанность, пропитанную духом великой династии Сун, а Хуайшу, присевший у края моста Чжоу, плакал, как четырехлетний ребенок.

Еще чуть-чуть, и его учитель мог бы пострадать!

Хуайшу презирал себя за свою беспомощность, за то, что у него нет таких способностей, как у Хуа Гуй, которая могла перемещаться через канализационные ходы. Еще больше он злился на себя за то, что поступил так глупо, громко закричав и тем самым спугнув врага.

Но как же он был рад, что Янь-цзюньван подоспел вовремя.

Переполняемый сильными эмоциями, которые он долго сдерживал, Хуайшу разразился громким плачем. Дети тоже плакали.

В тот момент, когда Хуа Гуй раскрыла свою истинную сущность, Сы Нань первым делом толкнул детей к прилавку с булочками. Продавец булочек, не раздумывая, встал перед ними, защищая их своим телом. На этот момент он чувствовал себя настоящим героем. Даже труп Хуа Гуй, лежащий рядом, больше не внушал ему страха.

Му Цин легонько кашлянул, доброжелательно напомнив:

— Эм, может, сначала стоит позаботиться о детях?

— Ах, точно, дети...

Сы Нань отстранился от Тан Сюаня:

— Со мной все в порядке, иди занимайся своими делами, а я отведу детей домой.

Тан Сюань кивнул:

— Жди меня дома.

Сы Нань настойчиво предупредил:

— Будь осторожен.

Му Цин: «...»

Что это за ощущение, будто они старые супруги?

Труп Хуа Гуй утащили, словно старую тряпку. Продавец булочек, набравшись смелости, мельком взглянул и не смог удержаться от комментария:

— Такой могущественный человек, и так легко умерла.

Сы Нань фыркнул:

— Какой из нее человек? Всего лишь жалкая крыса, скрывающаяся под человеческой шкурой. В темноте еще может прятаться, но на свету обречена на неминуемую гибель.

Он поднял глаза и посмотрел на Тан Сюаня, который четко и уверенно командовал неподалеку:

— Только истинные герои заслуживают величественного финала.

Как, например, генерал Тан или принцесса Сюэ Го, или же тысячи солдат, пожертвовавших жизнью за свою страну в том сражении. Их горячая кровь, трагические судьбы, взлеты и падения, а также оставленные после себя неразрешенные тайны и вдохновляющие примеры — все это принадлежит им. Только такие люди достойны остаться в летописях истории и жить в памяти на веки. Что касается Хуа Гуй — это лишь презренный преступник, которому не стоит уделять и трехсот слов в повествовании.

Сы Нань был абсолютно прав.

Позже эту историю пересказали в народе, и ее сделали основой для пьесы, которую исполняли во всех крупнейших театрах. Главным героем стал Тан Сюань, а пьесу назвали «Чистка Уюдун Янь-цзюньваном». Хуа Гуй действительно не удостоилась даже трехсот слов. Рассказчик просто с презрением упомянул ее жизненный путь.

Хуа Гуй, настоящее имя неизвестно, происхождение также неизвестно, в возрасте около десяти лет была похищена и доставлена в Уюдун, где стала тайной проституткой. Она была замужем, но позже была брошена своим мужем. В двадцать лет она собственноручно изготовленным ядом убила всю семью своего бывшего мужа и вновь вернулась в Уюдун, где за свою жестокость и безжалостность привлекла внимание старого хозяина Уюдуна, который взял ее в ученицы.

С тех пор она маскировалась под продавщицу гребней, выбирая подходящих женщин и детей, которых похищала с помощью наркотиков. Количество ее жертв превышало сотню. Она перенесла страдания и желала, чтобы все женщины и дети мира, вместе с их близкими, испытали такую же боль.

Злодейства Хуа Гуй были непростительны. И хотя Тан Сюань убил ее одним выстрелом, народный гнев нельзя было так легко унять. Император издал указ, по которому ее тело было подвергнуто четвертованию и оставлено на показ в течение десяти дней, без права на захоронение.

Что касается остальных обитателей Уюдуна...

Что удивительно, Бай Е оказался настолько чист, что его невозможно было связать с какими-либо преступлениями. Более того, у него было легальное прикрытие: он был владельцем «Бай Лоу» и «Мантинфан», а также вице-президентом «Общества ста вкусов» в Кайфэне. Так называемое «Общество ста вкусов» представляло собой союз крупных ресторанов и гостиниц в столице. Согласно словам Хуайшу, Бай Е уже давно планировал «отмыться». Эта атака на Хуа Гуй не была попыткой захватить ее власть, а желанием полностью порвать с Уюдуном. Он добровольно сотрудничал, предоставляя доказательства, и в конце концов отделался лишь штрафом и конфискацией части имущества, сумев таким образом избежать наказания.

Все считали Бай Е выдающимся человеком, и в историях о нем чаще всего встречались слова восхваления. Только Тан Сюань чувствовал что-то неладное. Появление Хуа Гуй стало возможным лишь благодаря его замыслам. Сначала Бай Е приказал людям притвориться слугами Хуа Гуй и окружить Хуайшу, но специально оставил лазейку, чтобы заманить в ловушку Хуа Гуй.

Затем он привел Хуайшу в «Мантинфан», где он узнал личность Хуа Гуй и подслушал их «план». Наконец, Бай Е заманил Хуа Гуй на мост Чжоу и, когда она попыталась напасть на Сы Наня, организовал разоблачение ее личности Хуайшу.

Выбор пал на Хуайшу, потому что он был уверен, что Сы Нань ему поверит. Его методы были столь изощренными и продуманными, что это вызывало изумление.

Тан Сюань не знал, что в первоначальном плане Бай Е замышлял нечто еще более грандиозное. Он хотел, чтобы Хуа Гуй похитила Сы Наня, а затем он бы появился в нужный момент и спас его, тем самым Сы Нань остался бы у него в долгу. Его интересовал не сам Сы Нань, а Сы Сюй и Юэ Линлун, стоящие за ним, а также таинственное происхождение Юэ Линлун.

Однако до этого не дошло, потому что появился Тан Сюань.

Появление Тана Сюаня не было случайным. После того как Сы Нань предупредил его, что женщина, продающая гребни, вызывает подозрения, он начал поиски этой женщины, параллельно следя за Бай Е. В тот день подчиненные доложили ему, что женщина и Бай Е одновременно появились в «Мантинфане», и он, не раздумывая, поспешил туда.

К счастью, он успел. Сы Нань не пострадал, только запачкал одежду. Иначе у моста Чжоу осталось бы не только тело Хуа Гуй.

Но это уже другая история. Вернемся к настоящему.

Сы Нань, вернувшись с детьми в переулок Чатанг, сразу же побежал в туалет и начал блевать до потери сознания. К счастью, его туалет был не земляной ямой, а чистым деревянным ведром с водой, иначе... он бы просто умер.

Господи!

За две свои жизни он впервые видел мертвого человека! И этот человек умер прямо перед ним, кровь брызнула ему в лицо!

На мосту Чжоу Сы Нань сдержался, чтобы не волновать других, но, вернувшись домой, больше не мог удержаться. Его рвало и рвало, пока в желудке не осталось одной лишь кислоты, но даже это не помогло избавиться от чувства отвращения.

Дети, которые видели кровь и смерть в Уюдуне, не так уж и испугались. Наоборот, они испытали некое скрытое облегчение. Хуа Гуй умерла, Уюдун исчез, и они больше никогда не вернутся в то ужасное место.

После того как Хуайшу выплакался, осталась только радость. Дети тоже были очень рады, от возбуждения не зная, куда деть свои маленькие ручки и ножки.

Лишь услышав подавленные звуки рвоты из уборной, дети поняли, что что-то не так.

Хуайшу оказался сообразительным и быстро догадался, в чем дело. Он отправил Эр Доу за Тан Сюанем, а сам остался присматривать за Сы Нанем. За это время они уже очень доверяли Тан Сюаню и, естественным образом, связывали его с Сы Нанем. Если с мастером что-то случилось, нужно звать Янь-цзюньвана.

Когда Тан Сюань пришел, Сы Нань все еще не хотел признаваться, пытаясь отшутиться и даже пообещал приготовить для них большой обед. Но как только он увидел мясо на разделочной доске, его опять стошнило.

— Не могу больше, не могу больше, я больше не могу притворяться. Признаюсь, я никогда не видел мертвецов, особенно таких, которые были злыми до мозга костей, меня чуть не стошнило.

Сы Нань, держась за живот, бессильно опустился в кресло.

Тан Сюань нахмурился, взял деревянную дощечку и, быстро вырезав на ней несколько иероглифов стрелой, передал ее Хуайшу:

— Возьми мое послание и иди к императорским лекарям, приведи сюда доктора Вана.

Сы Нань засмеялся:

— Ну ты даешь, взять кусок дерева за визитную карточку — старый доктор наверняка от злости помрет.

Тан Сюань потрепал его по голове:

— Как ты умудряешься еще смеяться?

— Плохой человек умер, конечно, нужно радоваться, — Сы Нань закатил глаза, — Не надо звать доктора, лучше закажи пир на всю катушку. Ты столько раз у меня угощался, сегодня я дам тебе шанс вернуть долг.

Видя его жизнерадостное выражение, Тан Сюань тоже невольно улыбнулся:

— Хорошо. Что ты хочешь?

Сы Нань сразу оживился:

— Хочу фирменные блюда из ресторана «Фэн И Лоу», по одному каждого, и чтобы хватило на всю нашу семью!

Тан Сюань кивнул. Ему нравилось слово «семья».

— И еще ледяных кубиков, принеси тазик из своего дома, и купи свежих фруктов, будем делать фруктовый лед!

Тан Сюань снова кивнул. Ему также понравилось слово «мы».

Сы Нань погладил живот и довольный сказал:

— Слишком жарко, я пару дней отдохну, не пойду на рынок.

Он ни за что не признает, что это место оставило у него психологическую травму.

Тан Сюань опустил взгляд, глядя на то, как Сы Нань приподнял рубашку, выставив напоказ белый нежный животик. Его горло сжалось. Теплая ладонь невольно легла на живот.

Сы Нань вздрогнул:

— Что делаешь?

— Помогаю тебе помассировать, — Тан Сюань с совершенно серьезным лицом.

Сы Нань отодвинул его руку:

— У меня не живот болит, а тошнит, массаж не нужен.

— Тогда помассирую желудок, — Тан Сюань сдвинул руку выше.

— Сказал же, не надо, — Сы Нань попытался вырваться.

— Тебе надо, — Тан Сюань прижал его обратно.

Сы Нань взвился:

— Не надо!

Тан Сюань смягчил голос:

— Будь паинькой.

Мужчина, который редко проявлял нежность, вдруг заговорил так мягко, будто его слова были полны магии и заставили Сы Наня замереть.

Сы Нань почесал ухо. Уши не слушались и сами покраснели.

Дети молча собрались под деревом с красными финиками.

Просто... подождем обед.

□□***

Редко выпадали свободные дни, и Сы Нань не сидел сложа руки. Он наготовил кучу еды и с горящими глазами отправился навестить Эр-лана. Дети поехали с ним. Сы Нань вел большой

трехколесный велосипед, за ним был привязан маленький горшок.

Хуайшу ехал на маленьком трехколесном велосипеде, а за ним тянулась вереница малышей.

Две маленькие повозки эффектно промчались по Императорской улице, как и ожидалось, привлекая внимание. На этот раз люди обсуждали не сами трехколесные велосипеды, а детей, сидящих в них.

Прошлой ночью город Кайфэн не спал. Императорская стража, столичная гвардия, конные и пешие отряды были полностью мобилизованы. Вооруженные большими мечами и факелами, они прочесывали весь город в поисках разбойников из Уюдуна.

В Кайфэнском управлении всю ночь шли допросы и суды, один за другим рассматривались дела, накопились целые стопки обвинительных заключений, и даже к утру работа не была завершена. Преступления, совершенные этими людьми, трудно описать словами.

Но помимо бандитов в Уюдуне было много несчастных людей — похищенные женщины, ставшие проститутками, нищие, а также множество беженцев, потерявших дома и не имеющих возможности вернуться на родину. Их судьба стала настоящей головной болью для властей.

Теперь, глядя на маленьких детишек в кузове велосипеда, люди начали обсуждать, будет ли Сы Нань их воспитывать.

- Наверное, да. Раз уж он заботился о них все это время? Парень из семьи Сы добрый, как и его отец!

- Все же он слишком молод, не понимает, как тяжело содержать семью. Через пару лет, когда женится и у него появятся свои дети, как он сможет прокормить столько людей?

- Ох! С такой кучей обуз, какая девушка захочет за него выйти замуж?

Смешанные отзывы, как хорошие, так и плохие, доносились до ушей Сы Наня.

Сы Нань цокнул языком, и, если бы не боялся напугать детей, наверняка сказал бы им: «Этому брату не нужна жена, ему достаточно одного мужчины!»

Лица детей сморщились от раздумий. Готов ли брат-учитель взять их на попечение?

Если они будут меньше есть и больше работать, повысит ли это их шансы? Если брат-учитель их примет, то правда ли, что, как говорят люди, он не сможет жениться?

Увидев, как дети в кузове телеги опустили головы, Сы Нань улыбнулся и громко сказал:

— Дети, грудь вперед, голову выше!

— Так точно! — ответили дети громким хором, сработав по команде.

— Хунху вода, волна за волной — приготовьтесь, поем!

— Хунху вода, волна за волной, на берегу Хунху моя родина... Где живет моя семья, тебе все равно, ведь я не ем твой хлеб...*

(ПП: самая популярная песня в Хубэе «Волны озера Хунху»)

Когда дети только пришли учиться боевым искусствам в переулок Чатанг, люди часто показывали на них пальцем, поэтому Сы Нань научил их этой песне. Теперь же дети, гордо подняв головы и расправив плечи, очень серьезно пели звонкими голосами.

Лица тех, кто только что сплетничал, сразу позеленели.

<http://bllate.org/book/13604/1206347>